

А.Р. Ощепков

ale78487000@yandex.ru

канд. филол. наук, доцент
кафедры мировой литературы
Государственного института
русского языка им. А.С. Пушкина
Москва, Россия

«Занимательная история» России в «Путевых впечатлениях» А. Дюма

«Литература анекдотов», романтическая историография, исторический экскурс, историческая аналогия, нравственно-психологический портрет.

В статье анализируется книга путевых записок А. Дюма-отца «Путевые впечатления. В России», в которой значительное место отведено экскурсам в российскую историю. Автор показывает, какими принципами руководствовался Дюма в изображении истории, какие приемы исторического повествования он использовал, а также выявляет отношение писателя к традиции «литературы анекдотов» и романтической историографии.

Книга «Путевые впечатления. В России» (1865) А. Дюма-отца – одно из самых обстоятельных и известных во Франции во второй половине XIX в. описаний российской действительности. Обстоятельства пребывания Дюма в России известны и рассмотрены в работах С.Н. Дурылина [4], М.С. Трескунова [5: 7–43], М.И. Буянова [1: 6; 2: 172–174; 3]. Гораздо менее изучен вопрос о принципах и приемах создания образа России в его книге.

Разумеется, в путевых заметках Дюма не описывал историю Российской империи, а всего лишь делился с читателями своими впечатлениями от поездки, однако в созданном им образе нашей страны весьма значителен исторический компонент, представленный прежде всего в форме исторических анекдотов. В «Путевых впечатлениях» постоянно встречаются анекдоты, легенды и истории из русской жизни, уже знакомые читателю по дюмасовскому роману «Записки учителя фехтования, или Полгода в России» (1840). К примеру, содержание очерков «Фавориты

Александр Дюма-отец

Павла I» и «Заговор Палена» в основном совпадает с XI главой «Учителя фехтования»; многие исторические анекдоты из российской жизни XVIII–XIX вв., рассказанные в романе, перекочевали и в путевые записки (о леврет-

ке Екатерины и банкире Зюдерланде, о Таврическом дворце – сюрпризе, подготовленном Потемкиным для Екатерины, об англичанине, приехавшем в Россию только ради того, чтобы взглянуть на решетку Летнего сада и вернуться на родину и т.д.). Справедливости ради скажем, что по сравнению со своим «русским» романом в 3-томнике путевых записок автор существенно расширил эпизоды из российской истории, увеличил количество нравственно-психологических портретов российских правителей.

Дюма далеко не всегда ссылался на первоисточники, из которых он черпал информацию о России. Тем не менее в главе «Романовы», например, упоминается Вольтер и его «История Российской империи при Петре Великом» и «Философский словарь», Н.М. Карамзин как автор «Истории Государства Российского», перевод которой на французский язык был осуществлен с 1819 по 1826 гг., многочисленные письма, указы, отчеты и т.п. [4: 518–524; 5: 7–43]. Был знаком Дюма и с путевыми записками о России Рюльера, Сегюра, Массона, Раверджи и др., о чем свидетельствует пересказ писателем многочисленных исторических анекдотов, встречавшихся в их произведениях.

Однако определяющей для Дюма стала традиция романтической историографии. В упоминавшейся ранее главе «Романовы» он называл имена крупнейших представителей французской исторической науки XIX столетия: О. Тьерри, С. де Сисмонди, Ж. Мишле, которые «показывают историю иначе, чем она представлялась в XVIII веке» [5: 176]. Известно, что писатель постоянно обращался к книгам В. Гюго, А. Ламартина, А. Тьера [5: 22]. Вслед за романтиками Дюма не принимал идеи универсализма просветителей, писавших о России в XVIII в., их представления об истории исключительно как «истории королей». Он считал, что историческое повествование должно включать в себя рассказ о разных исторических персонажах, мелких фактах, случайностях, бытовых, а зачастую и интимных подробностях их жизни. В результате в записках о России писатель не ограничился только портретами российских царей и императоров (от Ивана

Грозного до Александра II) – много страниц занимают рассказы о других исторических персонажах (Меньшикове, Бироне, Аракчееве, Потемкине, Григории и Алексее Орловых, А.В. Суворове, М.М. Сперанском, И. Сусанине, Е. Пугачеве, С. Разине, Серее Косом и др.).

Обращаясь к вольтеровским сочинениям, Дюма полемизировал с методологией своего великого предшественника. Называя Вольтера «фальсификатором истории», «пристрастным» историографом [5: 176], писатель упрекал его за то, что тот исключал из повествования «частные и занимательные эпизоды» из жизни царствующих особ, приукрашивал или замалчивал исторические факты, предлагал читателям только одобренную властями версию жизни русского царя [5: 175]. В частности, он недоумевал, почему Вольтер опустил в «Истории России» эпизод с убийством царевича Алексея. Дюма с сожалением отмечал: «Согласитесь, что история, написанная по материалам, представленным дочерью того, чья история пишется, будет весьма пристрастной. И по такой «Истории России» учатся наши дети!» [5: 175].

Дюма был не первым, кто критиковал Вольтера за приукрашивание российской истории. К этому времени в Западной Европе уже существовала традиция его «разоблачения». Например, до Дюма практически те же самые упреки высказывал Вольтеру Ш.-Ф. Массон в «Секретных мемуарах» (1804). По мнению Массона, Вольтер «хотел говорить вещи скорее полезные, чем правдивые. <...> Как будто ложь когда-нибудь может быть полезной» [14: 100]. Дюма тоже настаивал на относительной полноте исторического дискурса: «Пишите правду или то, что вы считаете правдой, или же не пишите совсем. «Не надо, – говорит Вольтер, – рассказывать потомкам вещи, недостойные их». Но кто вам скажет, что их достойно, а что не достойно? Верить, что потомки увидят вещи с вашей точки зрения, – это крайняя гордыня. Расскажите все, потомки сами сделают свой выбор» [5: 176]. С точки зрения Дюма, недопустимы купюры, приводящие к идеализации той или иной исторической фигуры, а значит к искажению, приукра-

шиванию истории. «Что же касается событий, пусть даже самых ужасных, мы не попросим у вас времени, чтобы их выстроить; мы просто изложим, как они действительно происходили. Выстраивать — дело творцов событий, а не тех, кто их описывает. Приведем и добрые и дурные деяния тиранов или пастырей народов, и пусть те, кто уже держит ответ перед Богом, пославшим их на эту землю, договариваются с потомками как смогут» [5: 177].

Однако писатель упрекает Вольтера не только за лакировку истории, но и за недостаток занимательности. «Сегодня хочется прочесть не только о событиях какого-нибудь царствования, узнать не только о падении империи, но еще и о подоплеке этих событий, о причинах этих катастроф. Именно в этом и заключается философия истории, ее назидание, ее интерес» [5: 176–177]. Таким образом, как и представители романтической историографии, Дюма считал необходимым не ограничиваться рассказом о событиях, но попытаться понять их причины и закономерности. Это для него было необходимым условием правдивости и занимательности исторического повествования.

Эти принципы были реализованы Дюма в его записках о России. Так, например, писатель поместил в текст письмо Екатерины II, в котором излагается версия добровольного отречения от трона Петра III и называется причина его смерти от апоплексического удара, после чего сообщается: «Вот официальный рассказ, который постаралась написать сама Екатерина Великая для своего любовника и для своей империи — для Понятовского и для России. Вот что было дозволено говорить и чему разрешалось верить в ее царствование и даже до конца царствования императора Николая. А вот что произошло на самом деле. Противопоставим это рассказу великой коронованной актрисы, которым она закрывала глаза XVIII веку, словно пеленой, которую следующее столетие срывает по частям...» [6: 274]. В очерке «Петр III» Дюма в мельчайших подробностях пересказал эпизоды из рюльеровской книги «История и анекдоты о революции в России 1762 года» (1797) [15], в которой описывается двор-

цовый переворот, произошедший 28 июня 1762 г. Он сообщал сведения о том, что в результате переворота законный престолонаследник был жестоко убит сторонниками Екатерины, ее фаворитами, затем поспешно и тайно похоронен, а сама «преступница», поощряемая российским духовенством, тут же цинично узурпировала власть, провозгласив себя императрицей.

Стремление Дюма к легкости и занимательности повествования проявилось и в тоне непринужденной беседы с читателем, который часто избирал рассказчик. «Я так долго распространялся о царе Петре, что вероятнее всего вы позабыли, занявшись этим великим строителем кораблей, столиц и государств, рассказчика этой истории, его попутчиков, корабль «Владимир» [5: 257–258].

Дюма-романтик проповедовал верность не исторической, а «поэтической правде» и далеко не всегда следовал точному изложению исторических событий. Он был убежден, что поэтически описанная, романизованная история (например, «Рейн» Гюго или «История жирондистов» А. Ламартина) дает публике куда больше, чем научные исследования. Неслучайно из представителей романтической историографии ближе всех ему был Ж. Мишле, считавший, что чем красочнее описание «прошлой реальности», тем она интереснее. На страницах «Путевых впечатлений» имя Мишле упоминается неоднократно [5: 176, 284, 345] (в очерке «Скопцы» автор даже приводит довольно объемную цитату из его книги).

Б.Г. Реизов отмечал, что в знаменитой «Истории Франции» (1833–1867) Мишле «давал волю своему лиризму» — умышленно переставлял факты, чтобы создать яркий образ, и «его история превращалась... в поэтическую публицистику, в которой объективно-историческое содержание сходит на нет» [9: 367]. Французский историк вообще никогда не гнался за академической точностью, которая в его время только утверждалась как канон исторического исследования. И. Тэн называл Мишле не историком, но одним из величайших поэтов Франции, а его историю — «лирической эпопеей Франции» [8: 2]. Верный основному принципу истори-

ческой концепции Мишле, Дюма считал, что история может быть увлекательной. Она не должна ограничиваться констатацией фактов и событий. Художник вправе домысливать, что и как происходило в определенный исторический момент с персонажами, а читатель вправе знать, какими человеческими достоинствами и недостатками они были наделены вне зависимости от их статуса. При этом Дюма сам объяснял, какую важную роль для него играет воображение, когда он обращает внимание на, казалось бы, незначительные вещи, предметы: «Дело в том, что для исторического поэта нет ничего бесчувственного и неодоушевленного. То, что ему подсказывает воображение, отражается на предметах, видевших реальные события, и придает им особую прелесть. Поэт ищет и в конце концов находит вокруг себя следы минувших событий, следы, которые, быть может, и не существуют, но представляются ему зримыми и красноречивыми. Любая историческая картина, созданная рукой художника, как бы даровит он ни был, расскажет ему меньше, нежели едва уловимые тени, предстающие перед его взором, когда сгущаются сумерки и наступает ночь» [6: 237].

В очерке «Романовы» Дюма говорил, что одной из главных целей его многотомных записок стала потребность написать историю империи, «о могуществе которой сказано столько небылиц в течение двадцати лет» [5: 178]. Впрочем, считает сочинитель, существование «небылиц» — явление закономерное, так как у России «нет своей истории», «пока у нее есть только легенды» [6: 10]. В очерке «На борту «Коккерия» Дюма вернулся к этой теме и заявил, что в России «вот уже сто тридцать лет нет более общественной истории, поскольку слишком много историй частных...» [5: 257–258]. Очевидно, что речь здесь идет не о том, что у России нет написанной истории, а о том, что, как полагал писатель, еще не написана «правдивая» история страны. «Настанет день, и она (Петропавловская крепость. — А.О.) <...> разверзнет свое чрево, как Бастилия, и утрашит глубиной, сыростью и мглой своих темниц; настанет день — и она заговорит, как замок Иф. В этот день Россия обретет

свою историю» [6: 10]. Россия не имеет истории, по мысли Дюма, потому, что в ней многое еще остается недоступным широкой аудитории, еще нет той степени свободы обсуждения общественных событий, которая уже была достигнута у него на родине. Этим объясняется, почему в «Путевых впечатлениях» существенное место занимают исторические анекдоты, призванные раскрыть в России то, о чем умалчивает ее официальная историография.

Приемами исторического экскурса и анекдота Дюма мастерски владел уже в романах. Так, например, в «Учителе фехтования» встречи с людьми, архитектурные памятники, увиденные в пути предметы или упоминания чьих-то имен вызывают в памяти автора либо краткий исторический анекдот, либо драматическую историю, предание или легенду, занимающую иногда целую главу. В путевых записках Дюма происходит то же самое. К примеру, сообщение о приезде в Москву (либо в любое другое место) сопровождается экскурсом в историю основания города и сопутствующими легендами: о том, как Юрий Долгорукий, сын Владимира Мономаха, повелел утопить в пруду Степана Кушку, захватив его земли, или о том, как Андрей Боголюбский был убит собственной женой, Улитой, которая таким образом отомстила за смерть своего отца [7: 9–11] и т.п. Легко заметить, что эти исторические пассажи зачастую раскрывают теневые стороны российской истории, реализуя задачу, которую ставил перед собой Дюма, — дать «правдивую», т.е. не приукрашенную, картину российской истории.

Некоторые из этих исторических анекдотов и экскурсов воспроизводят те же сюжетные схемы, которые Дюма разрабатывал в своих романах, в том числе и в «русском» романе «Учитель фехтования». Так, например, описывая в первой главе «Семья Кушелевых» графскую чету Кушелевых-Безбородко, по приглашению которых Дюма совершил поездку в Россию, писатель углубился в историю происхождения этого рода и в частности рассказал об одном из их предков — гетмане Александре Безбородко. Благодаря тонкому политическому расчету,

исключительным личным способностям и авантюристической натуре он сделал головокружительную карьеру: начав с секретаря Екатерины II, при Павле I Безбородко стал «великим канцлером и светлейшим князем и пожалован двадцатью тысячами крестьян с правом выбора их на любой территории России» [5: 57]. Сюжет о стремительной карьере, совершенной тем или иным персонажем, у Дюма встречается довольно часто, достаточно вспомнить фехтовальщика Гризье из «Учителя фехтования», д'Артаньяна из «Трех мушкетеров», генерала де Морсера из «Графа Монте-Кристо», адмирала Колиньи из «Королевы Марго».

Дюма, не ограничиваясь в отличие от предшественников (Сегюра, Рюльера, Массона и др.) каким-то одним периодом из российской истории, пересказал преимущественно наиболее драматичные и занимательные сюжеты из прошлого страны, начиная со Средних веков до современности – эпохи правления Александра II. Дюма влекли сюжеты российской истории, насыщенные трагическими коллизиями, способные заинтересовать широкую аудиторию французских читателей, воспитанных на романах-фельетонах. Писатель представлял русскую историю как бесконечную череду «смутных времен», государственных переворотов, борьбы за трон. Он сам говорил, что «История императоров России XVIII и даже XIX столетий выглядит весьма мрачной» [6: 32]. В таком подходе к русской истории обнаруживается традиция «литературы анекдотов» (Шапп д'Отрош, Рюльер, Массон, Сегюр, Маршалль, К. Мармье и др.). Между тем Дюма ставит перед собой совсем другие задачи: он рассказывает о темных страницах российской истории, излагает нелюбимые исторические факты не для того, чтобы обличать правителей, дать нравственный урок читателям или заклеймить Россию как «страну рабов», «тюрьму» и т.д. Первая цель, которую он преследует как писатель-романтик, – дать многокрасочную, живописную, неидеализированную картину российской истории, привести в нее драматические и даже трагические штрихи и ноты. Вторая цель – захватить

воображение читателя, прежде всего добившись, как он делал это в своих романах, драматизма и увлекательности повествования. Как писала французская исследовательница Изабель Жан, «история для Дюма – всего лишь повод для демонстрации своего мастерства рассказчика» [13: 23], «два глагола – «убеждать» и «удивлять» – выражают всю механику повествования у Дюма» [13: 38–39].

Заимствуя из «литературы анекдотов» сюжеты о персонажах российской истории, Дюма в отличие, например, от Кюстина выступал не как памфлетист, обличитель самодержавия, борец за права человека, но как писатель, наделенный неистощимым любопытством к «другому», а потому и терпимостью, снисходительностью к его ошибкам, слабостям и порокам. Его цель – не судить власть предержащих, но лишь показывать их деяния. «Да не обвинят нас в пристрастности, но я все же полагаю, что историограф – и даже писатель-романист, этот историограф для народа, – не должен быть несправедлив к монархам только лишь по той единственной причине, что они монархи. Безусловно, преступление всегда преступление, история и запечатлевает его как таковое, но ведь для суда присяжных – суда, воздающего по заслугам обычным людям, и для суда потомков, воздающего по заслугам монархам, огромное значение имеют смягчающие обстоятельства» [5: 285]. Вот эти-то «смягчающие обстоятельства» отличают «Путевые впечатления» Дюма от книг представителей «литературы анекдотов».

Дюма интересовала не столько история, явленная в человеческих судьбах, сколько человек, проявляющий себя в исторической ситуации. В предисловии к серии беллетризованных биографий «Великие люди в халатах» (1855) Дюма говорил, что обратился к этому жанру, чтобы представить «всестороннюю характеристику избранного персонажа, не ограничиваясь описанием его государственной деятельности, но, давая полное представление о человеке, показать его в повседневной жизни, нарисовать его характер, привычки, манеру общения с окружающими» [11: 3].

Этими же принципами руководствуется писатель и в «Путевых впечатлениях». Так, например, в «Учителе фехтования» образ Павла I складывается из серии позаимствованных у Массона анекдотов о бестолковых реформах и странностях российского императора, который представлен фанатичным поклонником прусского короля Фридриха Великого, военной дисциплины, капризным правителем, страдающим многочисленными фобиями и маниакальными идеями. В «Путевых впечатлениях» нравственно-психологические черты монарха оказались смягчены. Не обходя молчанием его «странности», признавая, что его правление «было невыносимым для русской знати» [5: 361], Дюма нарисовал портрет Павла – заботливого мужа и отца, человека скромного, многострадального и благородного, способного прощать ошибки своих подданных, справедливого и рассудительного. Таким предстает Павел I, например, в эпизоде, повествующем о возвышении Суворова, которого несмотря на его эксцентричность русский император сделал фельдмаршалом за военные таланты и предоставил ему полную свободу действий во время итальянской кампании [5: 356–359].

Дюма важнее было показать не самодержца, обладающего неограниченной властью и повелевающего «рабами», как это делалось в многочисленных произведениях на русскую тему, а противоречивого человека с его недостатками, заблуждениями, пороками, но и добродетелями, заслугами, достижениями. Перефразируя известное выражение Сент-Бева, стремившегося «увидеть в поэте человека», можно сказать, что Дюма хотел увидеть человека в правителе. В результате акцент часто переносился на изображение частной жизни исторических персонажей. В главе «Александр I» Дюма декларировал этот подход к изображению исторического персонажа: «А пока проследим за Александром, но не в политике – история запечатлела, чем была обязана ему Франция в 1814 году, – а в частной жизни. Несколько анекдотов дадут ясное представление о человеке» [6: 74]. И тут же поместил серию анекдотов, в которых Александр Павлович предстает как учтивый,

честный, доброжелательный, любезный, внимательный человек в своих отношениях с людьми разного звания и положения: с женщинами, подполковником, извозчиком, пьяным офицером. Дюма акцентировал внимание на его выдержке и бесстрашии во время сильной бури [6: 74–82], утверждал, что он «был не бронзовой статуей на гранитном пьедестале, а человеком со всеми слабостями, но также со всеми человеческими добродетелями» [6: 70]. Александр I показан на страницах «Путевых впечатлений» красивым мужчиной и «вечно неверным» супругом, философом на троне и царем-страстотерпцем. В исторических пассажах «Путевых впечатлений» о других российских правителях Дюма помещал персонажей в бытовую обстановку, рассказывал об их человеческих слабостях, гастрономических пристрастиях, физиологических особенностях и т.д. Например, о дочери Петра I, Елизавете, одной из популярнейших в народе царствующих особ, Дюма сообщал: «Она обожала пышный стол, роскошь и наслаждения» [5: 40].

Очевидно, что Дюма-республиканец в трактовке того или иного исторического персонажа так же был несвободен от политических пристрастий, как были несвободны Массон и Ж. де Сталь, Кюстин и Гюго, Стендаль и Бальзак. В очерке «Александр I» А. Дюма так отзывался об эпохе этого царя: «Мягким и благодушным было правление этого доброго завоевателя», а все потому, что он «принял сторону Парижа против союзных государей» [6: 69]. В очерке «Правая рука царя», повествующем о последних днях правления Александра I, нарушившего соглашение, заключенное с Наполеоном, позитивная тональность оценок образа императора менялась: он становился «слабохарактерным», «отступником», «гонителем либеральных идей», «рабом дисциплины» и, в конце концов, правителем, приведшим страну к политической катастрофе.

Любопытно, что Дюма, претендующий на представление правдивой картины российской истории, нарушал принцип романтической историографии, соблюдение которого ученые-историки первой половины XIX в. считали важнейшим условием исто-

рической правды. Речь идет о недопустимости исторических аналогий. Представители романтической историографии считали, что проведение исторических параллелей между разными эпохами, разными странами совершенно неправомерно и противоречит историзму [9: 58]. Однако в «Путевых впечатлениях» Дюма можно найти подобные примеры. Так, раскрывая читателям план предполагаемого маршрута по российским землям, Дюма писал: «...по дороге увижу Тверь, город двенадцати тысяч лодочников, и тверской кремль, построенные в 1182 году владимирским князем Всеволодом, – Владимир, как наша Бургундия, наша Бретань, был особым княжеством, прекратившим существование лишь в 1490 году при Иоанне III, северном Людовике XI, который убил своего младшего сына, а старшего упрятал в застенки, что, впрочем, не помешало ему именоваться Иоанном Великим, ибо он освободил страну от татарского ига, а в глазах потомков всегда велик тот, кто изгоняет чужеземца из родной земли» [5: 48].

В своих «Путевых впечатлениях» Дюма представил мифологизированную историю нашей страны, да вряд ли могло быть иначе, ведь он писал не научный труд, а путевые заметки. Взгляд писателя на российскую историю был обусловлен не только его политическими симпатиями, эстетическими принципами, концепцией истории, культурными кодами эпохи, литературной традицией, но и особенностями жанра, предполагающего известную поверхностность взгляда, «когда за обычай принимают необыкновенное происшествие, а отдельное злоупотребление – за закон» [10: 17–18]. Удивительно другое, что в ситуации нарастающей русофобии во Франции в эпоху Второй империи накануне и после Крымской войны, когда взгляд французов на Россию формировали антироссийские памфлеты вроде книг Жермен де Ланьи «Кнут и русские» (1853), Галлет де Кюльтюр «Царь Николай и Святая Русь» (1855) и др., Дюма написал и обнаружил книгу, отмеченную искренним интересом и симпатией к «другому».

Литература

1. Буянов М.И. Маркиз против империи, или Путешествия Кюстина, Бальзака и Дюма в Россию. М., 1993.
2. Буянов М.И. О «Кавказе» Дюма // Дюма А. Кавказ / Под ред. Т.П. Буачидзе. Тбилиси, 1988.
3. Буянов М.И. По следам Дюма. М., 1993.
4. Дурылин С. Александр Дюма-отец и Россия // Литературное наследство. 1937. № 31–32.
5. Дюма А. Путевые впечатления. В России: В 3 т. М., 1993. Т. 1.
6. Дюма А. Путевые впечатления. В России: В 3 т. М., 1993. Т. 2.
7. Дюма А. Путевые впечатления. В России: В 3 т. М., 1993. Т. 3.
8. Кареев Н.И. Французские историки первой половины XIX в. Л., 1924.
9. Рейзов Б.Г. Французская романтическая историография (1815–1830). Л., 1956.
10. Строев А. Россия глазами французов XVIII – начала XIX века // Логос. 1999. № 8.
11. Dumas A. Les grands hommes en robe de chambre. Paris, 1855.
12. Histoire militaire de la Campagne de Russie en 1812. Par le colonel Boutourlin. A Paris – A Petersburg, 1824.
13. Jan I. Alexandre Dumas, romancier. Paris, 1973.
14. Masson Ch.-F. Mémoires secrets sur la Russie, et particulièrement sur la fin du règne de Catherine II, et sur celui de Paul I. Paris, 1804.
15. Rulhière C.-C. de. Histoire ou Anecdotes sur la revolution de Russie en l'année 1762. Paris, 1797.

A.R. Oschepkov

“ENTERTAINING HISTORY” OF RUSSIA IN A. DUMA’S “TRAVEL IMPRESSIONS”

“The literature of anecdotes”, romantic historiography, historical excursus, historical analogy, moral-psychological portrait.

In the article is analyzed the book of A. Duma’s travel notes “Travel impressions. In Russia” where excursus in Russian history have significant place. The author shows which principles Duma followed in describing the history, which methods of historical narration he used and also reveals writer’s attitude to the tradition of “the literature of anecdotes” and romantic historiography.